

ЖИВОЕ СЛОВО МАСТЕРА

Прошло уже семь дней, как завершились Олимпийские игры, но образ их по-прежнему зрим и ярок. Долго еще будут стоять перед глазами захватывающие эпизоды бескомпромиссных состязаний друзей, в которых утверждалось физическое и нравственное совершенство человека, его достоинство и красота.

Стадионы превратились в театры без кулис. Сотни тысяч зрителей на трибунах сопреревали взлетам благородных страстей и драмам, духу товарищества и воле к победе.

Телевидение сделало Игры открытыми взору всех. Хорошо подготовились операторы, комментаторы. Кажется, найдена должная мера в показе спорта таким, каким он проявил себя на Олимпиаде. Телекамера не была пассивным регистратором отдельных сенсационных подробностей или пикантных случаев. Во всем ощущались такт, знание дела, любовь к атлетам.

Олимпиаду в Москве нельзя представить без муз. Понравились многие стихи и песни, прозвучавшие на стадионах. А музыкальной эмблемой Игр стала Праздничная увертюра Дмитрия Шостаковича, художника, чье искусство так энергично и одухотворенно выразило мужественный и героический гуманизм XX века.

На минувшей неделе по телевидению показывался двухсерийный фильм о композиторе. Естественно, что он не затерялся в программе, ведь силу музыки Шостаковича не уменьшает даже несовершенство давних записей.

И с ними мы встретились в фильме. Они помогли лучше представить необычайную жизненность искусства мастера, которое не только рождалось в конкретных обстоятельствах, но и с первых мгновений своего существования энергично устремлялось в гущу действительности, чтобы умножать добро и сражаться

со злом.

Те критики, что когда-то считали музыку Шостаковича нарочито запутанной и сумбурной, выглядят ныне нереальными, а вот, к сожалению, малоизвестные кадры кинохроники и снимки, запечатлевшие Дмитрия Дмитриевича, служат уже портретом не одного человека, хотя нам и дороги его черты, а документом целой эпохи — полнокровной, необезличенной, со своими борениями духа, временными поражениями и великими, вечными победами.

Пожалуй, можно было бы изобретательнее воспользоваться кино- и фотоматериалом. Соблазн тут велик. Но, вероятно, сам характер Шостаковича не позволяет режиссерским и операторским излишествам. Мне композитор запомнился в Малом зале Московской консерватории на первом исполнении квартета Свиридова. Дмитрий Дмитриевич почти сливался со всем окружением, со стенами, со слушателями, и только какие-то магнитные волны его глубинного переживания музыки выделяли его лицо и глаза из полумрака ложи.

Так же образ Шостаковича выделился и в телефильме, сохранив поразительную гармонию искренней застенчивости и непоказной решительности. Да, этому человеку было ведомо все человеческое, в том числе и понимание отличия красочности от пестроты, мудрости от самомнения.

Понятно, что и сами авторы фильма постарались тактично остаться в стороне, не отвлекая внимания зрителя своими возможными откровениями в темпе повествования, в напоре музыкальных образов.

Такая позиция стала теперь определяющей в телевизионных передачах, посвященных мастерам искусства.

Когда я смотрел состоявшуюся так же на этой неделе

передачу о художнике театра А. П. Васильеве, то убеждался еще и еще раз в том, что живое слово мастера поистине драгоценно, ведь кто страстнее его скажет о том, что он выстрадал, вывел на орбиту действительности.

Правда, в таких телефильмах сложился стереотип, повторяющийся: монотонно чередуется показ крупным планом беседующего художника и его работ. Пять—семь минут экранного времени — это чрезвычайно много для практически одного кадра: смотрящего прямо на вас художника, превращенного в диктора.

Здесь даже природное обаяние человека начинает становиться довольно назойливым. Невольно вспоминаешь нарочитую многосерийность некоторых экранизаций, которая едва ли не утомляет своей затянутостью. К сожалению, этим страдает и не-безынтересный художественный фильм о наших первых авиаторах. Где-где, а в авиации ненужная медлительность особенно тягостна. В некоторые минуты я ощущал себя пассажиром, чей рейс отменен, и в связи с этим предстоит мучительное хождение по аэровокзалу, все углы которого давно осмотрены и досконально изучены.

В фильме о скульпторе О. К. Комове эмоциональная речь самого ваятеля не подтверждалась столь же впечатляющим показом скульптуры. Вещи выглядели не столь интересно, как на самом деле. И не случайно. Снимать на пленку памятник и даже маленькую статуэтку не легко. Тут необходим особый профессионализм, как и при съемках спектакля. А таких специалистов у нас мало.

Свою передачу Комов начал довольно рискованно, сообщив зрителям о том, что он дальтоник, неправильно воспринимает краски живой природы и поэтому не смог стать живописцем. После такого заявления необходим особенно тщательный показ достоинств скульптурных произведений, а его не случилось. В лампах осталась лишь умная и откровенная беседа человека, любящего скульптуру, и умеющего увлекать слушателя.

Вот здесь-то и задумывалась о том, что самоотстранение сценариста, оставляющего художника наедине со зрителем, не всегда приносит пользу. В телефильмах об искусстве мало диалогов, дискуссий, помогающих познать истину глубже и убедительнее. Стремление к заведомой простоте изложения материала оборачивается упрощенностью.

На днях вновь была показана картина «Никто не хотел умирать». Фильм во многих отношениях сложный. Но откажись авторы от этой многогранности, была бы рабоча успешнее?

Вот и в телепередачах об искусстве хотелось бы чаще встречаться со сложными раздумьями о коренных проблемах творчества. Не достаточно продемонстрировать фонограмму или живописное полотно. Нужно что-то большее, капитальное, а его невозможно достигнуть без мобилизации и обновления всех образных средств телевизионного искусства.

В одном из фильмов Марлена Хуциева действие происходит в Музее изобразительных искусств имени Пушкина в дни молодежной выставки.

— Что понравилось?

— Импрессионисты и скульптура Олега Комова, — звучит довольно неожиданный ответ. Но он свеж, парадоксально ярок. И действительно хочется присмотреться к работам молодого современного ваятеля, запомнившимся зрителю наравне с шедеврами Ренуара и Родена. Тот художественный фильм вернее обрисовал искусство художника, чем специально ему посвященная передача, лишенная остроты и напряженности мысли.

По теленеделе дежурил И. КУПЦОВ.